

А. К. СВЕТОЗАРСКИЙ

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО В ТРУДАХ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА)¹

Ваше Святейшество!

Ваши Высокопреосвященства! Ваши Преосвященства!
Всечестные отцы, братья и сестры! Уважаемые гости!

В настоящей традиционной для наших Духовных школ актовой речи перед нами стоит задача соединить в нашем сознании образы двух выдающихся представителей Русской Православной Церкви, двух духовных предшественников наших: светильника Русской Земли и всего вселенского Православия духоносного старца-подвижника преподобного Серафима Саровского и подвижника-иерарха духовного писателя митрополита Вениамина (Федченкова), в чьих трудах с удивительной силой отразился свет Серафимовой святости, его духовного подвига.

Совсем недавно, в конце июля — начале августа текущего года, мы вместе со всей полнотой Русской Православной Церкви и представителями братских Поместных Церквей молитвенно отмечали знаменательный юбилей — столетие со дня прославления Саровского подвижника преподобного Серафима. И в дни юбилейных торжеств, явивших всему миру яркую картину православного возрождения в нашем Отечестве, мы не раз мысленно обращались к событиям столетней давности, к Саровским торжествам 1903 года. Они проходили с 17 по 21 июля (старого стиля) при огромном стечении богомольцев со всей России. Ко дню про-

¹ Актовая речь, произнесенная в Московской духовной академии в праздник Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 2003 г

славления, назначенного на 19 июля (день рождения старца Серафима), в Саров прибыло около ста тысяч паломников, для размещения которых был устроен временный городок. На торжества прибыл император Николай Александрович, императрица Александра Феодоровна, вдовствующая государыня Мария Феодоровна, великий князь Сергей Александрович (дядя царя) и его супруга великая княгиня Елизавета Феодоровна — «княгиня милосердия», как ее называли в народе, другие члены императорской фамилии. Царственная чета особо чтит старца Серафима и во многом способствовала его прославлению. Супруги прибыли в Саров с горячим желанием участвовать во всенародном православном торжестве, а также с молением о даровании наследника престола. Напомним о том, что их молитвы были услышаны. Долгожданный наследник российского престола цесаревич Алексей Николаевич появился на свет в следующем 1904 году.

На этих торжествах, ознаменовавших собою, дерзнем сказать, в духовном смысле последний аккорд истории синодального периода, бытия Церкви в условиях православной государственности, будущий митрополит Вениамин присутствовать не мог. Он — в то время двадцатитрехлетний Иван Федченков — держал вступительные экзамены в Санкт-Петербургскую духовную академию, куда был направлен как лучший выпускник Тамбовской духовной семинарии. Испытания он выдержал успешно и был принят на первый курс Академии. Но несомненно, Саровские торжества, канонизация преподобного Серафима оказали на него определенное влияние. Ему, конечно, хотелось побывать в Сарове и Дивееве, что он потом и осуществил, но об этом скажем позднее.

Круг общения Ивана Федченкова в Академии включал в себя лиц, сугубо почитавших преподобного Серафима. Прежде всего здесь следует упомянуть о его многолетнем наставнике архимандрите, а впоследствии архиепископе Феофане (Быстрове), оказавшем огромное влияние на формирование духовно-нравственного облика будущего митрополита. Отец Феофан с 1901 по 1909

год занимал пост инспектора Академии. Под его руководством действовал «златоустовский кружок», в рамках которого наиболее серьезно настроенные студенты занимались изучением творений святых отцов. Впоследствии этот иерарх-подвижник, оказавшись в эмиграции, стяжал славу «нового Феофана Затворника»: он жил на юге Франции в пещере, находившейся на территории одного частного владения, и ежедневно совершал Божественную Литургию. Отец, а впоследствии владыка Феофан сугубо чтит преподобного Серафима, бывал в Сарове и поддерживал общение с Еленой Ивановной Мотовиловой, вдовой Николая Александровича Мотовилова — сподвижника и ученика преподобного Серафима, описателя совершавшихся по его молитвам чудес и свидетеля дивного «преображения» святого старца. В определенном смысле владыка Феофан был и хранителем саровских и дивеевских преданий. Как сообщает в своей книге «Из того мира» митрополит Вениамин, «сам он (то есть владыка Феофан — А. С.) знает многое, что еще не напечатано и о чем ему рассказывали в Сарове, а особенно в Дивееве»².

Имя новопрославленного угодника Божия преподобного Серафима Саровского получил в постриге однокурсник владыки Вениамина «Колечка С.» — Николай Соболев (впоследствии архиепископ Серафим), подвижник, богослов и церковный писатель, память которого особенно почитается в Болгарии. В той же книге «Из того мира» содержится трогательное повествование о том, как чистый душой и за это особенно любимый товарищами по Академии «Колечка» выбирал свой дальнейший жизненный путь. Николай Соболев, так же как и Иван Федченков, находившийся под влиянием архимандрита Феофана, долго колебался перед принятием монашества. И однажды, года через два после прославления преподобного Серафима, он получил в подарок

² Митрополит Вениамин (Федченков) Из того мира. Книга чудес и знамений нашего времени. М.: Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1996. С. 56.

его икону и был этим очень обрадован, так как почитал «батюшку Серафима» еще до его канонизации. Было у него и жизнеписание подвижника, составленное Левитским.

Получив неожиданное благословение Преподобного в виде иконописного изображения, Николай решил разом покончить со всеми своими сомнениями. Поставив перед собой икону, он в простой, но горячей молитве излил свою просьбу преподобному Серафиму, а затем раскрыл его жизнеписание, надеясь отыскать там ответ на мучивший его вопрос. Перед ним был рассказ о послушнике Глинской пустыни, долго колебавшемся в вопросе о пострижении и получившем на этот ответственный жизненный шаг благословение преподобного Серафима.

«Так Преподобный, — пишет владыка Вениамин, — благословил Колечку идти в монахи...

Мучения кончились раз и навсегда. И скоро Колечки не стало, вместо него клобуком покрылся инок Серафим, названный так при постриге почитатель Преподобного, удостоенный от него чудесным ответом»³.

Следует добавить к сказанному выше, что образ преподобного Серафима привез из Сарова в подарок своему сокурснику Иван Федченков — будущий митрополит Вениамин. Он побывал в местах, где все, по его собственным словам, «еще дышало памятью о Преподобном», приблизительно в 1905 или 1906 годах.

В студенческие годы в жизни Ивана Федченкова был еще один известный нам случай, в котором «поучаствовал» Саровский подвижник. Будущий владыка, так же, как его одноклассник Николай Соболев, довольно долго размышлял о выборе дальнейшего жизненного пути. Мечтал о служении приходского священника, думал о семейном счастье. Но и тернистый путь иночества привлекал его. Летом 1905 года он посетил Валаам, где обратился за разрешением своих сомнений к подвижнику Иоанно-Предтеченского скита схимонаху Никите, который предрек

³ См. цит. соч. С. 26—32

его будущее монашество и архиерейство⁴. Но сомнения не отступали. И тогда он, по совету своего духовника архимандрита Феофана, отправился в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры к иеромонаху Исидору (Козину). Об этой поездке и о своем дальнейшем общении со старцем Исидором митрополит Вениамин поведал впоследствии в своей книге «Божьи люди»⁵, посвященной жизнеописаниям современных ему подвижников. Жизнеописание, составленное владыкой Вениамином, дополняет известное повествование священника Павла Флоренского «Соль земли, или Житие Гефсиманского старца отца Исидора».

При встрече со старцем, высказавшем в прикровенной форме свое суждение о дальнейшем призвании студента Академии, между подвижником и будущим иерархом произошел, между прочим, следующий диалог, который владыка Вениамин воспроизводит по памяти в своей книге.

Старец обратился к студенту с «просьбой-желанием»:

— Хотелось бы мне побыть у преподобного Серафима.

— Да в чем же дело?

— Денег нет.

— А вот летом получу деньги за напечатанную статью и свожу вас. Хотите, батюшка?

— Хорошо, хорошо! Вот хорошо.

«Так мы и условились, — пишет далее митрополит Вениамин, — как получу деньги, то напишу ему письмо и приеду за ним. С тем и уехал я домой на каникулы. Летом получил деньги (вероятно, за свою первую в жизни публикацию — очерк „На северный Афон“, опубликованный в 1906 году на страницах журнала „Странник“ — А. С.) и сразу написал отцу Исидору, предвкушая радость путешествия с ним, да еще к такому великому угоднику: со святым к святому»⁶.

⁴ См.: Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М.: Отчий Дом, 1997. С. 25—35.

⁵ См. с. 35—51.

⁶ См. с. 38.

Однако радостные ожидания не исполнились. История получила совершенно иное продолжение. В ответ на письмо старец Исидор прислал послание некоего человека с отчаянной просьбой о помощи. А при последовавшей затем личной встрече отец Исидор просил этому человеку помочь, оказать ему покровительство. «Преподобный-то Серафим не обидится на меня, а деньги, что для меня приготовил, ты на него и израсходуй»⁷, — прибавил при этом старец.

Оказалось, что нуждающийся в помощи — некий Иван Федорович, получивший серьезное увечье во время работы на фабрике и ставший беспомощным инвалидом. Жил он в Курске — родном городе преподобного Серафима. Исполняя послушание, наложенное старцем, будущий митрополит в течение многих лет оказывал помощь этому человеку.

В конце обучения в Академии, но еще до принятия монашества, Иван Афанасьевич Федченков познакомился с семьей Обуховых, принадлежавшей к кругу почитателей архимандрита Феофана (Быстрова). По рекомендации отца Феофана он даже некоторое время был в этой семье домашним учителем. Впоследствии особенно близкие духовные отношения связывали его с Ольгой Васильевной Обуховой. Ее муж Сергей Николаевич был председателем уездной земской управы и предводителем дворянства в Житомире. Впоследствии получил назначение на пост вице-губернатора. Обуховы отличались глубокой религиозностью и искренним благочестием. Частыми гостями в их доме были духовные лица. В их числе — архиепископ (впоследствии митрополит) Антоний (Храповицкий) и архимандрит Феофан (Быстров). Духовной дочерью последнего была Ольга Васильевна, богословски образованная, живущая жизнью Церкви. Она близко знала преподобномученицу Елизавету — великую княгиню Елизавету Федоровну, духовного писателя Погожева (Поселянина), многих выдающихся иерархов и подвижников. Уди-

⁷ См. с. 39.

вительна судьба этой православной русской женщины. Во время революции умрет от тифа ее супруг. Сына Николая, которого какое-то время учил будущий владыка Вениамин, расстреляют большевики. В советской России в тяжелых условиях останется жить серьезно больная дочь, а сама она в буквальном смысле с последним пароходом покинет русский берег и четверть века, даже более, проведет в изгнании. По благословию владыки Феофана она примет монашеский постриг с именем Анны, приедет к своему бывшему домашнему учителю, а в то время экзарху Московской Патриархии в Америке и станет его многолетней сотрудницей, помощницей и духовным другом. Вернувшись в Россию, она (к тому времени ей уже за восемьдесят) будет готовить девушек и женщин, выросших и сформировавшихся в условиях общества принудительного атеизма, к принятию таинства Святого Крещения, подобно диакониссам Древней Церкви, и пецись о нехитром, по-монашески аскетичном домашнем хозяйстве владыки.

Для митрополита Вениамина «мать», «матушка Анна», как он именуется в своих дневниках, была еще и носительницей живого церковного предания. Путешествуя в дореволюционные годы вместе с семьей по обителям, совершая паломничества к святыням православной России, она общалась с подвижниками благочестия, духоносными старцами и старицами, сохраняла в памяти многочисленные предания о чудесах, совершавшихся по молитвам святых угодников Божиих. Ее воспоминания во многом способствовали и появлению из-под пера владыки Вениамина целого цикла небольших рассказов под общим заглавием «Чудеса преподобного Серафима». Они включены автором в книгу «Из того мира», о которой мы сегодня уже неоднократно упоминали, а также в сборник (если так можно его определить), озаглавленный «Записки архиерея».

Особенно замечателен рассказ «Малинка», запомнившийся владыке еще со времен его жизни в доме Обуховых. Этот рассказ, переданный владыке со слов старушки-няни, жившей в этой

семье, являет собой пример народного повествования о преподобном Серафиме. Суть его состоит в следующем. В Саровскую обитель прибыл архиерей, много слышавший о чудесах старца Серафима и о его удивительной жизни, но этим рассказам не особенно доверявший. По предположению митрополита Вениамина, это мог быть епископ Иона (Василевский), занимавший Тамбовскую кафедру с марта 1812 по апрель 1821 года. После торжественной встречи в монастыре архиерей пожелал посетить отца Серафима. Преподобный жил в то время в пустыньке. Подали лошадей, которые, увязая в сугробах, еле доставили архиерея к месту сугубых подвигов Преподобного.

Святой с почтением встретил епископа. Положил перед ним земной поклон и испросил благословения. Владыка же начал спрашивать его о чудесах, говорить о том, что жизнь старца порождает разного рода толки в народе и обществе. Не будем забывать, что дело происходит в синодальную эпоху, когда начиная с времен Петра Великого государственные чиновники и многие архиереи, опасавшиеся возможной ответственности, стремились предельно строго регламентировать жизнь православных обителей, а особенно — наиболее ярких и неординарных представителей русского монашества. Те, кто проводил подобного рода государственную политику, действовали из благих побуждений. Объективно она некоторым образом контролировала деятельность разного рода «старцев» и «стариц», учивших «от ветра главы своя». Увы, подобного рода «духовное наставничество», о чем неоднократно говорил в своих выступлениях Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, получило свое «возрождение» и в наши дни.

Но, с другой стороны, возвращаясь к эпохе давно минувшей, отметим, что позиция официальных представителей духовного ведомства часто, и тому есть множество примеров из двухвековой истории синодального периода, стояла на пути подлинных проявлений православного духа, истинного подвижничества.

Вернемся, однако, к прерванному повествованию. Вопрос о

«разговорах» Преподобный проигнорировал, а на вопрос о чудесах отвечал:

— Нет, батюшка, убогий Серафим чудеса творить не может, чудеса творить лишь один Господь Вседержитель волен.

После этих слов архиерей взглянул в угол келии, куда указывал ему преподобный Серафим, и увидел там большой куст малины со спелыми ягодами на ветках. А затем и принял угощение от рук старца. Рассказ завершается покаянием архиерея в маловерии⁸.

Это повествование, близкое по жанру к народным рассказам о святых, не встречается в жизнеописаниях Саровского подвижника. В том, что оно сохранилось для потомков, — несомненно, заслуга владыки Вениамина. А ценность самого повествования заключается в том, что оно удивительно верно передает народный взгляд на взаимоотношения между представителем официальной церковной структуры и носителем подлинной святости.

В другом рассказе из цикла «Чудеса преподобного Серафима» — «Не могу не верить», по словам самого митрополита Вениамина, «нет никакого „чуда“, если не считать чудом непреодолимое воздействие на нас святых и по смерти своей... Это — повествование о дочери Ольги Васильевны (монахини Анны), которая, столкнувшись в молодом возрасте с суровой прозой жизни, с растущим безбожием и характерным для людей „серебряного века“ (особенно в предреволюционные и революционные годы) аморализмом, переживала, что не может поступать так, как это делают многие ее сверстники, легко перешагивавшие в своей повседневной жизни пределы допустимого. А „мешал“ ей в этом „батюшка Серафим“».

«Если был отец Серафим, значит, все это в самом деле так и есть. Отец Серафим врать никак не мог! Вот почему и говорю

⁸ См.: *Митрополит Вениамин (Федченков)*. Из того мира. Книга чудес и знамений нашего времени. М.: Московский Сретенский монастырь; Новая книга, 1996. С. 33—41.

я тебе, что не могу не верить: хочу, а не могу, ничего не выходит», — говорила девушка матери⁹.

Действительно, «чуда» как будто и нет. И в то же время — перед нами явное чудо — чудо души человеческой, «христианки по природе». Был преподобный Серафим, а значит все есть: и вечные евангельские истины, и «тот мир», и пасхальная радость, в которой жил подвижник и которой щедро делился со своими посетителями: «Радость моя, Христос воскрес!»

Этот особенно полюбившийся владыке Вениамину рассказ, явно близкий ему по духу, включен и в другое его апологетическое произведение «Беседы в вагоне»¹⁰.

Уже проживая в эмиграции, а точнее — в изгнаничестве (слова «эмиграция» владыка не любил, а слову «эмигрант» предпочитал слово «беженец») владыка Вениамин чутко прислушивался к вестям с родины. С глубокой скорбью воспринимал он ставшие известными за границей факты гонений на Церковь и верующих. С отрадой в душе узнавал о том, что и среди тотальных преследований, организованных безбожными правителями, вера в народе жива.

Материалом для следующего рассказа о чудесах преподобного Серафима «Мой день» послужило письмо, полученное из России в 1925 году. В нем рассказывается о случае чудесного исцеления больного мальчика, совершившегося в Саровской обители в день памяти преподобного Серафима. Это последнее обстоятельство было особенно дорого владыке Вениамину. Следуя святым отцам, он твердо веровал в то, что Господь, Божия Матерь, святые даруют верующим особую благодать в дни праздников. Эта мысль особо подчеркивается им в книге «Письма о двенадцятих праздниках». А по поводу исцеления мальчика, совершившегося по молитвам угодника Божия преподобного Серафима, он писал:

⁹ См. цит. соч. С. 41—45.

¹⁰ См.: Митрополит Вениамин (Федченков). Беседы в вагоне. М.: Издательская группа «Скимен»; издательство «Пресса», 2003. С. 27—28.

«Так совершил Преподобный чудо в „свой день“, в день канонизации его. Читая жития святых, очень часто замечаешь, что они щедро раздавали благодатные дары своей милости именно в „свой день“...»¹¹.

«Частые случаи, — пишет далее владыка Вениамин, — когда угодившие Богу люди призываются к вечной радости в дни памяти святых, имена коих они носили. Поэтому-то православные и молятся особенно усердно в дни памяти святых. Поэтому даже простые крестьяне, бывало, ездят в соседние села — „на престол“, они не знали как и почему, но сердцем ощущали радость, какую давали святые в „свой день“, даже не по заслугам людей, а по своей любви и по благодати Божией»¹².

Немного курьезный, но в то же время и трогательный рассказ «Выкупал угодник» владыка Вениамин начинает следующими словами:

«Этот рассказ кому-то может показаться слишком незначительным для такого великого угодника, но человеческие мерки — не Божии, и мы не знаем, на кого что может подействовать. На одного — важное, на другого — мелочь. Закхей через смешное любопытство влез на смоковницу и спасся, а фарисеи и воскресением Лазаря соблазнились и решили убить его и Иисуса. И апостол Павел говорит: „Всем бых вся, да всяко некия спасу“ (1 Кор. 9, 22)»¹³.

А суть рассказа заключается в следующем. Одна семья приехала в Саров. Дело было летом 1914 года. Можно с уверенностью предположить, что это была хорошо известная владыке Вениамину семья Обуховых, и сам рассказ навеян воспоминаниями матушки Анны. Среди приехавших на богомолье был зять Ольга Васильевны — офицер. Его звали Федором. Это был муж той

¹¹ Митрополит Вениамин (Федченков) Из того мира. Книга чудес и знамений нашего времени. М.: Московский Сретенский монастырь, Новая книга, 1996. С. 50.

¹² Цит. соч. С. 50—51.

¹³ Цит. соч. С. 52.

самой женщины, которой преподобный Серафим, а точнее — сам факт его исторического существования — «мешал» нарушать нравственные нормы. Человек он был не то чтобы неверующий, но к вере относящийся достаточно равнодушно. Возможно, нормы его поведения диктовались правилами, принятыми в то время в военной среде: своей религиозности не афишировать и избегать ее внешних проявлений. В любом случае, его настроение диссонировало с общим настроением остальных членов семьи, чувствовавших себя «в гостях у батюшки Серафима», как дома. Все купались в источнике святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. К этому источнику направлял при своей жизни страждущих преподобный Серафим, и чудеса здесь начали совершаться при нем. Все купались, а Федор не хотел. Тогда его жена в шутку пожаловалась одному из монахов:

— Отец Игнатий! Федор мой не хочет искупаться. Что же делать?

— Просите, Ниночка, батюшку Серафима, он сам и Федора Николаевича выкупает, — весело ответил монах.

И в тот же день, только несколько позднее, когда все другие члены семьи ушли в храм ко всеобщей, Федор, катавшийся на лодке с одним своим знакомым, упал в воду и вымок до нитки. Весь монастырь ликовал: «Сам батюшка выкупал непокорного!» И в том же рассказе — удивительное повествование о том, как жившая в семье Обуховых гувернантка из Швейцарии, кальвинистка по вероисповеданию, приехав в Саров, молилась, по совету православной женщины, преподобному Серафиму об исцелении тяжело больного брата, и брат ее выздоровел. Там же — еще одна история — о неверующем учителе, воспитаннике Академии художеств. Он тихо прожил в обители, как на даче: рисовал, гулял, катался на монастырских лошадях, бродил по окрестным лесам. А перед отъездом неожиданно для всех исповедовался и причастился Святых Тайн, и стал верующим. Замечателен рассказ «Преподобный Серафим и Франциск Ассизский». Владыка Вениамин приводит его по письму некоего «К». Само же со-

бытие относится по времени к 1931 году. Корреспондент владыки сослался на свою встречу с родственницей (свекровью) человека, чей личный мистический опыт и был положен в основу повествования.

Человек этот был протестантом по вероисповеданию. Он жил в Эльзасе, где население было смешанным. Веками бок о бок друг с другом жили протестанты и католики. И даже по очереди совершали богослужения в одном и том же храме. И этот протестант, как и другие члены его семьи, под влиянием известной книги Саббатъе о Франциске Ассизском чрезвычайно заинтересовался самим феноменом святости. Тем временем его жена, будучи больной, читала однажды в саду упомянутую уже нами книгу об этом особо чтимом католическом святом и неожиданно удостоилась необычного видения. Ей явился сам Франциск в сопровождении «сгорбленного сияющего старичка». Франциск подошел к ней со словами:

— Дочь моя! Ты ищешь истинную Церковь — она там, где он. Она все поддерживает, а ни от кого не просит поддержки.

«Белый старичок молчал и лишь одобрительно улыбался на слова Франциска»¹⁴.

Видение это поразило жительницу Эльзаса. Вскоре же в их доме появился работник из числа русских беженцев. В его жилище она увидела изображение виденного ей во сне старца. На вопрос, кто он, она получила ответ: «Преподобный Серафим, наш православный святой».

Записав рассказы матушки Анны, владыка Вениамин зафиксировал и ее впечатления об особой атмосфере, царившей вокруг Саровской обители в предреволюционные годы (матушка Анна вспоминала о своей поездке вместе с сыном Николаем в Саров в 1912 или в 1913 году): «Все села вокруг Сарова точно напитаны были отцом Серафимом. Бывало, пойдешь через Арзамас (60 верст до обители), а на полдороге всегда кормили лошадей. И че-

¹⁴ Цит. соч. С. 59.

го только не слушаешься! Все крестьяне как-то особенно тепло и живо относились к отцу Серафиму, считая его своим близким и величайшим угодником. И почти каждый из них знал о многих исцелениях от „водицы“ и других чудесах. И угодник Божий вообще помогал им в житейских всяких невзгодах. Иногда совсем мелких. Он всем помогал как-то особенно щедро.

Или идешь через Темников с ночевкой в женском монастыре. И опять все жило отцом Серафимом. Он всех привлекал к себе. Тысячи, десятки тысяч ежегодно шли к „батюшке Серафиму“».

И устные рассказы всегда бывали красочны... Исцеления бывали ежедневно. Никто не удивлялся: «Так и должно быть!» Редко записывали. И то не все, а вкратце»¹⁵.

Это вполне совпадало с ощущениями самого будущего владыки Вениамина, посетившего вскоре после канонизации Преподобного Саров, где «все дышало памятью» о подвижнике.

Но пришло иное время, и эта особая духовная атмосфера, возможно, вполне воспринимаемая лишь верующими душами, была разрушена.

В 1920 году по инициативе местной власти в Саровской пустыни произвели кощунственное вскрытие мощей преподобного Серафима, но святые мощи угодника Божия до времени были оставлены в обители. В 1922 году в результате кампании по организации помощи голодающим были изъяты монастырские ценности. В первые годы советской власти пустынь неоднократно подвергалась набегам со стороны представителей местной администрации и партийного актива, расхищавших достояние монастыря. Тем временем число паломников, приходивших в обитель на поклонение преподобному Серафиму, с каждым годом возрастало. В 1926 году по подсчетам агентов ОГПУ, в Сарове в день памяти преподобного Серафима побывало более десяти тысяч богомольцев. Цифра по тем временам немалая. Это очень беспокоило органы ОГПУ. В августе 1926 года были арестованы: игу-

¹⁵ Цит. соч. С. 55—56.

мен Мефодий, иеромонахи Маркеллин, Леонид, Иерофей и Макарий. В обитель они больше не вернулись. А сам монастырь был закрыт в 1927 году.

И когда обитель была предана поруганию, а по всей стране развернулось небывалое гонение на христиан, в странах русского рассеяния русские изгнанники, вынужденные покинуть отеческий кров и родную землю, широко отмечали духовный юбилей — столетие со дня кончины преподобного Серафима Саровского. Было это в 1933 году.

Наши православные соотечественники, волею исторических обстоятельств вынужденные покинуть родину, издавали на свои скудные средства прекрасные книги о святом старце, писали его иконы, возводили храмы в его честь. Но ситуация в зарубежье, в русской церковной диаспоре, тоже была непростой. К тому времени владыка Вениамин — епископ армии и флота, глава военного духовенства в Русской Армии, действовавшей под началом генерала Врангеля, — уже тринадцать лет жил за границей, покинув Россию в ноябре 1920 года. Он был участником и свидетелем многих знаменательных событий в церковной жизни русского зарубежья.

Вынужденная внешними политическими обстоятельствами к разделению русская церковная эмиграция переживала период юрисдикционных споров. В зарубежье бушевала церковная смута. И в тот год, в год 1933, русские изгнанники, разделенные на три юрисдикции: «антониевскую», «евлогиевскую» и «сергиевскую», взывали к заступничеству преподобного Серафима, вновь обращались к его личности, житию и подвигам. Готовилась к юбилею и сравнительно небольшая группа «патриархистов» — сторонников канонического подчинения законной церковной власти — Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), впоследствии Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси, и действовавшему при нем временному Патриаршему Синоду. Эта группа организовалась в Париже после разрыва митрополита Евлогия (Георгиевского) с

Московской Патриархией и основала Трехсвятительское подворье — единственный русский православный приход в Париже, оставшийся верным Москве. Во главе общины стоял владыка Вениамин. При подворье действовало Православное издательство и типография имени отца Иоанна Кронштадтского, в организации деятельности которых епископ (а с 1933 года — архиепископ) Вениамин принимал самое деятельное участие. Этим издательством и были выпущены в свет книги владыки Вениамина, посвященные преподобному Серафиму Саровскому.

В преддверии юбилея издательство выпустило в свет небольшую по объему книжечку «Преподобный Серафим Саровский. Откровение о цели христианской жизни. По записи Н. А. Мотовилова и с приложением его же рассказа: „Есть ли адские муки?“» Текст был снабжен комментариями владыки Вениамина. Несомненно, и сама идея этого издания принадлежала ему. Древняя истина, которую преподобный Серафим напомнил своим современникам, всегда привлекала его особенное внимание. Речь идет об учении Саровского подвижника о цели христианской жизни как пути стяжания Духа Святого. «Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, — говорил преподобный Серафим Николаю Александровичу Мотовилову, — сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божия»¹⁶.

Это учение владыка Вениамин считал главным вкладом Преподобного в духовную сокровищницу православия, и часто в своих трудах обращался к дивному «преображению» старца Серафима, совершившемуся на глазах у изумленного ученика и почитателя.

¹⁶ Митрополит Вениамин (Федченков). Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский. М.: Паломник; Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1996. С. 115.

Вкладом же самого владыки Вениамина в агиографию преподобного Серафима, несомненно, явилась вышедшая в свет в том же 1933 году книга «Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский». Работая над ней, владыка изучил целый ряд источников: жизнеописания, составленные Н. В. Елагиним, Л. И. Денисовым, иноками Сергием, Георгием и Иоасафом. Он привлекал свидетельства Н. А. Мотовилова и разыскания С. А. Нилуса, воспоминания Н. Аксаковой. Особенно часто обращался он к «Летописи», составленной архимандритом Серафимом (Чичаговым) — впоследствии мучеником-митрополитом, принявшим страдальческий венец на Бутовском полигоне НКВД в 1937 году. В книгу владыки Вениамина вошли и уже не раз упоминавшиеся нами главы из его труда «Из того мира», посвященные преподобному Серафиму. Получилось удивительное, яркое и запоминающееся повествование, книга, трогающая душу и умягчающая злые сердца. Эта книга представляет собой богатое драгоценными сведениями, красноречивыми фактами и выразительными штрихами художественное полотно, в центре которого — личность преподобного Серафима Саровского, недостижимо великого и близкого одновременно.

В ненавязчивом, едва различимом авторском комментарии — объяснения аскетической природы пасхальной радости, в которой пребывал Саровский подвижник, размышления о монашестве и жизни в миру, о высоком предназначении человека, о грехе и покаянии, и многое, многое другое, полезное для всякого, ищущего пути спасения.

Но, увы, совершенно не поддается описанию непосредственное впечатление от прочтения этой замечательной книги. Ее нужно читать. Неспешно. Внимательно. И тогда на ее страницах вы встретитесь с самим аввой Серафимом, ощутите его благодатное присутствие. Прекрасный пример для наших современных агиографов, которые трудятся над составлением житий мучеников и подвижников минувшего столетия!

Несомненно достойны удивления и слова, завершающие этот

труд владыки Вениамина: «А по пророчествам отца Серафима еще не конец Православной Церкви в России, еще ожидает светлое будущее и Дивеево и Саров... Еще будут петь летом пасхальные песни... И к этому же приближается время... дай Бог за молитвы твоего дивного угодника!»¹⁷.

Слова эти написаны в 1933 году. Как принято говорить в таких случаях, комментарии излишни. Книга, о которой сейчас шла речь, которую можно назвать одной из вершин творчества владыки Вениамина, является еще и памятником веры, веры в действие Всеблаготворительного Промысла Божия, в заступление Божией Матери и Ее благодатного избранника преподобного Серафима, веры в духовные силы родного народа, веками воспитывавшегося в лоне Православной Церкви, и хотя ушедшего временно «на страну далече», но все же православного по сути своей, носящего неизгладимую печать сопричастности той пасхальной радости, которой жил Саровский подвижник. Минувшее десятилетие — самое верное свидетельство тому. И в связи со всем сказанным выше позволю себе, памятуя о том, что здесь в зале, в стенах родной Академии, нашей *alma mater*, присутствуют сегодня в большинстве своем молодые люди, будущие пастыри и наставники нашего народа, привести своего рода *stredo* владыки Вениамина, высказанное им в черновых набросках к книге «Письма о двенадцатых праздниках».

«Мы говорим: „Я — сын России“ или „сын земли Российской“, — это равнозначно россиянин, русский, то есть русский и по происхождению, и по месту, и по духу, и по вере, и по родным, и даже по приспособленности к климату; по культуре, по облику внешнему, по языку...

Короче, я — по всему русский.

И для меня Россия дорога больше, чем я сам по себе: за Россию и душу нужно полагать. Россия может на меня рассчитывать, мною распоряжаться, как своим сыном.

¹⁷ Цит. соч. С. 338.

ОТДЕЛ III

Я люблю Россию, как Россия любит меня: мы — свои, мы едино.

И где бы я ни был, я прежде всего — русский, буду защищать свою Родину, ходатайствовать за нее, а если нужно — и пострадаю!»¹⁸.

Вам, сегодняшним воспитанникам Духовных школ, сегодня или завтра предстоит духовно окормлять пробуждающийся от многолетней спячки великий народ. Вам надлежит этот народ любить по определению, по самой сути вашего призвания. И дай вам Бог совершать это великое служение в соответствии с великими словами батюшки Серафима: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг тебя спасутся». Пусть не тысячи, но хотя бы сотни и даже десятки, но дай Бог!

¹⁸ Митрополит Вениамин (Федченков). Письма о двенадцатых праздниках. Рождество Христово. Рукопись, часть IV. Предпразднство Рождества Христова. 1928 г. (пагинация отсутствует).